

90-е, какие они были?

Вера Гончарук

Разные. Сначала была прелюдия ни шатких, ни валких Горбачёвских перестроечных, когда, нерешительные шаги, расшатывание между старым и новым, привели, в конце концов, к путчу, а путч привёл к поднятию народных масс на защиту того, что уже успели вкусить – свободного дыхания. А ведь мы, и правда, успели за это время обрести надежду и вдохнуть свободы, почувствовать плечо рядом и общий подъём настроения, и уверенности в переменах. Не знали, что нас ждёт, не знали куда идти, но твёрдо знали, что жить дальше в миазмах болота и биться в безнадёжной трясине невозможно. Оттого и пошли на защиту своих надежд.

Я, также как и все, успела побывать с мужем на Манежке, успела пройти до этого с колоннами по Москве и помнила это ощущение единения. Я, как и все, отслеживала все заседания съезда Верховного Совета, которое мы смотрели с замиранием сердца и вбирали в себя все речи, и сопереживали, и негодовали, когда захлопывали и затапывали Сахарова. Я была такой же, как все. К тому же, масса открытий в газетных публикациях, так называемая, гласность ещё более уверили, назад – нельзя, только вперёд, движение – это жизнь.

И вдруг путч, то есть насильственный возврат в болото. Помню ночь танков, я не была у Белого дома физически. На моих руках двое детей – малолеток и новорожденный внук, они болеют, а я не могу их бросить и уйти. Но и спать, и оставаться не могу. Августовская ночь была жаркой и томительной, поэтому окна были раскрыты. Мы живём в Чертаново, у метро Южная, Варшавское шоссе проходит неподалёку. Телевизор не показывает ничего, все новости узнаём из приёмника, по недавно возникшей радиостанции «Эхо Москвы». За день наволновались, а ночью уже не просто по «Эху», а воочию слышу грохот идущих на Москву танков Кантемировской. Они идут по нашей Варшавке. Её от меня не видно, загораживают дома, но слышно отлично, и от этого почти останавливается сердце, мысли мечутся, тревога нарастает. Потом будут погибшие три парня, словно положившие начало перелому. Не буду описывать всё, все это не раз описали в своих воспоминаниях, просто упомянула об этом, чтобы было ясно, с каким настроением ждали мы перемен.

И вот всё закончилось, бесконечное Лебединое озеро, приезд «сидельца» с Фороса, Ельцин на танке, жалкие дрожащие путчисты, лавина самоубийств неудачников, передача власти, крепнувший московский парламент....

Враз всё изменилось, и нам стало казаться, что вот теперь мы широкими шагами пойдём в прекрасное будущее.

Ан нет, это только на бумаге всё можно изменить враз, в жизни всё не так. Так и у нас действительность оказалась не такой, каковы были ожидания. Что происходило в верхах, опять-таки, описывать не стоит, это всегда можно прочесть в прессе,

«погуглить» в интернете, а я, наконец, от общего вступления перехожу к простой жизни обывателя и к нашему восприятию перемен.

Я работаю надомно, зарабатываю вязанием, уже два года как. Зарабатывала прилично, но на жизнь еле хватало, так как продукты исчезли с полок магазинов в Москве, и нужно было гоняться за крохами по всему городу, где «выбросят» хоть какие-то остатки. И отстаивать дикие очереди, с оскорблениями, унижениями и порой возникавшей дракой, где у прилавков, особенно в универсамах, люди ожесточённо рвали друг у друга из рук, несчастный кусок колбаски или мяса. Но жить-то нужно, детей кормить нужно. И так устали от этих диких баталий. А тут враз обрезало. И неожиданно продукты появились на лавках, но цены, галопирующие цены, когда вот он товар, а денег у тебя в кошельке хватит только на один день жизни, если ты решишься его купить. И растерянные лица людей, взирающих на эти заполненные прилавки, и совершенно изменившиеся продавцы. Те, кто раньше нагло смеялся над бьющейся над товаром толпой, неожиданно заискивающе смотрит тебе в глаза и елейным голоском предлагает что-либо купить.

Не знаю, одно другого не лучше, по-моему. Но держимся, это же временно, это осознанная необходимость, это нужно пережить.

Поддерживаем друг дружку как можем, делим тяготы, каждый день собираемся на кухнях, чаще всего приходят соседи ко мне, я постоянно дома и у меня сподручней. Обсуждаем новшества, пытаемся понять к лучшему это или к худшему.

Товар приобретаем по талонам, у каждого в кошельке со стремительно обесценивающимися деньгами, сложены эти цветные талоны. На каждый товар, свой цвет. Странно, но в товары первой необходимости входит и водка. Видимо без неё никуда. Потом объявляют о ваучеризации и мы, снова привыкая к новому слову, дружно обсуждаем, а что делать с этими ваучерами, что это нам даёт, куда их вложить. А из каждого средства массовой информации, кажется даже из утюга, несутся призывы, несите к нам, мы обеспечим вашу прибыль и прочее и прочее. А мы все растеряны, дело-то новое, что выбрать, как не прогадать? В конце концов, каждый выбирает для себя. Помню, я собрала все наши восемь ваучеров и отдала сыну, старшему. Он недавно женился и обзавёлся сыном, а живём все вместе, на 39 кв. метрах, теснота, значит нужно жильё. Вот на это и решили пустить эти бумажки. Отвезли всё в выбранную из всех предложений Альфа-групп. Скажу сразу - выбросили на помойку, считай. Компания собрала массу ваучеров с населения и успешно испарилась. Нет, они, конечно, воспользовались этими бумажками, а мы остались с носом. Обещанного не три года, а всю жизнь ждём. Жданки закончились. Это был первый крупный обман, государство сделало вид, что раздало имущество в собственность граждан и благополучно оставило этих граждан с носом, отдав всё нескольким десяткам через залоговые аукционы. Так же поступили и с жителями деревни, которым раздали совхозные земли, потом заломили за них немыслимый налог, так что люди стали писать отказы в пользу сельхозуправ и, получив крохи наличных, за якобы

добровольно проданную землю, остались с тем же носом у разбитого корыта. В общем, что-то шло не так и не той дорогой.

Стали одно за другим приватизироваться предприятия и скорейшим образом банкротиться и закрываться, а люди становятся безработными. Мы, конечно, в срочном порядке стали учиться выживать в новых условиях. Нам, тем, кому за сорок, приходилось особенно трудно, на работу неожиданно стали брать с ограничениями, в объявлениях так и писалось «до 35 лет», остальные котировались только на временных или «грязных» работах. И люди бросились выживать, кто как может. В основном сильно развился челночный бизнес. Поездки в Турцию, Китай, Таиланд за товарами первой необходимости, модной, но недорогой одеждой, обувью, хозтоварами и прочей мелочью. Ведь из продажи исчезли даже такие мелочи, как простые иголки. Многие на этих поездках заработали себе на жизнь, а многие пострадали. Кого-то избивала и обкрадывала местная «гопота», кого-то обманывали с товаром, были и те, кто лишился жизни. И это всё было рядом, на глазах, а не байками. Открывались большие торговые рынки, куда стекался челночный товар и куда ездили закупаться со всех концов, не только самой Москвы, но и всей России. И, естественно, вместе с полезным, возникало и побочное, плохое. Сначала активизировался уголовный и особо предприимчивый элемент, напёрсточники, мгновенные лотереи и прочая машина по отъёму денег у населения. Милиция проходила мимо обобранных, словно не замечая, они неожиданно оказались в одной связке с обиралами. Мне однажды, когда я вступилась за женщину, объясняя ей, что её обманывают и оберут до копейки, чуть не резанули бритвой по глазам. Страшно было. Потом появились игровые автоматы, однорукие бандиты и сколько слёз наших пожилых соседей, доверчивых и купившихся на возможность мгновенного обогащения пришлось утирать, не передашь. Видимо, именно дети и пенсионеры, оказались самым слабым звеном. А ведь многие наши соседи и жили именно на пенсии своих стариков, так как это было единственным стабильным доходом в семьях лишившихся работы или месяцами не получавших задерживаемых зарплат.

Не менее страшно вспоминается период приватизации жилья, который тоже для многих обернулся трагедией. Я категорически отказалась от приватизации, во-первых, быть собственником - это громадная ответственность, во-вторых мне представлялось, какая собственность в многоквартирном доме, который много лет не ремонтировался капитально, а значит, все прорехи свалятся на твои плечи. В-третьих, муж пьющий и если ему придёт в голову продать свою долю, то мы окажемся в коммуналке. В общем, не приватизировала, а многие, особенно одинокие, купились и поспешили приватизировать. Только из пяти известных мне лично случаев с отъёмом приватизированного жилья у одиноких и пьющих людей, оказавшихся, кто в подвале, кто на улице, кто на кладбище, можно понять каким масштабом криминалитета обернулось это по всей стране.

Потом приватизировали нашу фабрику производства платков, а нам выдали акции, как совладельцам предприятия. Никаких дивидендов с этих акций никто из нас не получил ни разу. Так что, ещё одно разочарование.

Активно заработали организованные преступные группировки, а главное, в них оказались втянуты дети близко знакомых нам людей, и это было страшно. Сочувствуешь, ужасаешься, а сделать что-то, предотвратить это совершенно бессилён. И только наблюдаешь, приезжая на могилу дочери, как множатся и растут на центральной аллее кладбища помпезные чёрно-гранитные огромные памятники преступников.

Кто-то из тех, кто помоложе и предприимчивей, ухитрился сколотить какое-то состояние, но это в основном те, кто занялся торговлей или строительством, остальные просто прозябали.

Появились пирамиды, ещё один вид узаконенного обмана. Вообще-то впечатление такое, что вся наша жизнь того времени стала пирамидой, только перевёрнутой вверх ногами. В милиции криминалитет, в управах жирующие чиновники, всё хрупко, непостоянно, шатко и неустойчиво, но назад в ту прежнюю «стабильность» совсем не хочется, а новое, твёрдо стоящее на ногах, никак не образовывается, из-за растущих appetites у дорвавшихся до кормушки людей и постоянного открытого противостояния в верхах. Это обернулось 93-м, которым часто спекулируют, рисуя картины массовой гибели и жуткого расстрела, хотя именно те, кто их рисует и были «запевалами» всего, что произошло. Именно их действия привели к худшему.

Неожиданно на страну хлынул поток наркотиков. Не по слухам, а сама лично знаю, что наркотиками баловались и раньше, при советской власти, но в верхушке, так называемых, сливках общества и отдельные представители богемы. В самом народе это хождения не имело, там, в основном, процветал алкоголизм. А теперь, стараниями сросшихся вместе ФСБ и преступных группировок, наркотики хлынули в массы. Только в моём подъезде, у трёх соседок сыновья погибли от наркотиков, а из просто знакомых ещё больше. И это тоже было приметой времени.

Стало страшно выпускать детей гулять. Ранее они спокойно бегали, играли на детских площадках, а ты присматривал в окно, занимаясь своими делами, а теперь дети стали пропадать. У кого-то совсем, потом предлагали вернуть за выкуп, возвращали редко, и то только тех, кто всё-таки обратился в милицию. А иной раз детишки, раздобыв денег, самостоятельно уезжали на рынок. Соблазном были яркие сладости и жвачка. В общем, натерпелись и наплакались.

Жизнь того времени очень похожа на американские горки: и страшно, и весело, и горько, и радостно. Всего хватало.

Но, видимо, черноты было больше, может быть потому, что не сумели использовать свободы в нужном направлении. Чего не хватило - сил или воли, или

слишком сильным было противодействие - мы не понимали. Поэтому, наверное, постепенно нарастало разочарование, хотелось какой-то определённости и уверенности, и более регрессивная масса поддержала идею «сильной руки». Люди измучились, оттого и пошли за новыми обещаниями, а к чему в итоге пришли - вы это видите и сами. Жаль бездарно потраченное время и угасшие надежды, а сидеть снова в болоте, ставшем, к тому же, жутко агрессивным - ещё тяжелее. Вот такие несладкие воспоминания.